

УДК 159.922.1:37.018.1

**СЕМЕЙНЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**
Ю. В. Борисенко

FAMILY FACTORS OF PARENT IDENTITY DEVELOPMENT IN THE MODERN WORLD
Yu. V. Borisenko

В статье представлен анализ семейных условий формирования родительской идентичности личности. Приведены результаты исследования взаимосвязи семейных условий с различными параметрами родительской идентичности личности российской выборки, а также сравнение особенностей родительской идентичности российской и американской выборок. Результаты различаются у мужчин и женщин. Для женщин внутрисемейные условия значимо взаимосвязаны с оценкой себя как родителя. Удовлетворенность браком у женщин прямо связана с родительской идентичностью в уходе за ребенком, с оценкой супруга в роли кормильца. Для мужчин самым информативным параметром является оценка себя в роли кормильца, прямо связанная с совпадением ролевых ожиданий супругов и удовлетворенностью браком.

The paper provides the analysis of family factors of parent identity development. The results of studying the correlations between family factors and parent identity in Russia are given, as well as the comparison of the parent identity specifics in Russian and American samples. The results have difference by gender. The family factors correlate with women's caregiving identity. Breadwinning identity appears more significant for men.

Ключевые слова: родительство, отцовство, идентичность, семья.

Keywords: parenting, fathering, identity, family, caregiving, breadwinning.

В психологической науке все более популярным становится изучение институциональных факторов и условий социализации личности, в контексте которых родительство имеет совершенно особый статус. Родительство, с одной стороны, детерминировано социальными условиями развития личности самого родителя, с другой – само является мощным фактором развития личности в период взрослости [1]. Кроме того, родительская идентичность, материнские и отцовские практики и поведение определяют условия развития личности ребенка. Интерес к феномену родительства выходит за рамки детской психологии, отцовство и материнство становится самостоятельным предметом исследований в рамках психологии развития и акмеологии, все чаще рассматривается не с позиций влияния на развитие ребенка, а как часть личностной сферы взрослого человека.

В современной науке при изучении родительства как личностного феномена, влияния родительства на развитие личности самого родителя и родительской идентичности авторы чаще всего оперируют понятиями концепции гендерных ролей [4]. При этом считается, что традиционно мужская гендерная родительская роль предполагает финансовое обеспечение семьи и ребенка, а женская – уход и заботу. Распределение этих функций, однако, варьируется в современной семье [3]. Соответственно, определение для себя приоритета какой-то из ролей (или паритета обеих), а также согласованность принятия определенных ролей между супругами может качественно описать родительскую идентичность личности. Причем важно не просто выполнение этих ролей, а идентификация себя как родителя именно в этой роли, ощущения «правильности» своего поведения как родителя при следовании данной линии поведения [6]. Родительская идентичность партнеров-родителей тесно взаимосвязана между собой. То есть родительство не является

просто личностным феноменом, оно во многом обусловлено супружескими отношениями [5]. Эта идея не нова и для отечественных семейных психологов, однако в основном она постулируется в работах, основанных на практике семейной психотерапии. Теоретическое обоснование данного постулата дается в терминах системной семейной терапии. В американской традиции исследования отцовства выделяются работы [11; 13], в которых акцент смещается на роль женщины-матери как партнера мужчины-отца, во многом определяющего отцовское поведение последнего. W. Doherty, например, предлагает специально учить женщин «обучать» мужчин ответственному отцовству [11]. J. Pleck доказывает, что вовлеченность отца в жизнь ребенка прямо зависит от вовлеченности матери [13]. Согласно J. Pleck, собственная родительская идентичность может быть определена только в тесной взаимосвязи с оценкой своего партнера как родителя и с представлением об оценке себя как родителя в глазах супруга. При этом они полагают, что это одинаково значимо как для мужчин, так и для женщин. То есть отцовская идентичность тесно связана с оценкой своей жены как матери и с теми ожиданиями, которые она имеет по отношению к отцовскому оведению мужа. Эти идеи находятся в согласии с концепцией трансгенерационной передачи [10], где указывается, что климат в семье и отношение к детям передаются в семьях через поколения по женской линии. С другой стороны, и материнская идентичность тесно связана с тем, как женщина оценивает своего супруга как отца. При этом чем меньше он принимает участия в жизни детей, тем большая ролевая нагрузка ложится на женщину, особенно в финансовом плане (шкала идентичности в роли кормильца). Материнская идентичность также связана и с ожиданиями мужчины относительно материнского поведения супруги: вопросов возможности выбора и приоритета

карьеры жены или воспитания детей [9]. Таким образом, изучив все эти взаимовлияния, можно определить особенности родительской идентичности личности, прогнозировать развитие конфликтов и проблем в этой сфере, определить возможности роста и развития личности родителя.

В этой связи представляется интересным изучение этнической и культурной специфики семьи, определяющей супружеские ролевые модели, гендерную стратификацию семьи и в конечном итоге особенности родительства в современной семье, а также особенностей семейных условий, таких как: взаимоотношения супругов, удовлетворенность супругов финансовым статусом семьи, профессиональная занятость или незанятость женщины, стаж брака, количество детей (многодетные семьи), совпадение или несовпадение ролевых ожиданий супругов, удовлетворенность браком [8]. В рамках апробации методики Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI), созданной в 2001 г. коллективом авторов во главе с Джозефом Плеком (Joseph Pleck) и переведенной на русский язык в 2013 г. [2], которая проходила в 2012 – 2013 гг. в Кемеровской области, были получены данные, свидетельствующие о том, что, несмотря на то, что существует четкая этно-культурная специфика семейной стратификации [8], внутрисемейные условия формирования родительства могут быть более значимы в контексте конкретной семьи, чем этнические особенности. В обследовании

приняли участие в общей сложности 893 человека (437 мужчин, 456 женщин), из них 158 супружеских пар. Все испытуемые имеют детей. Средний возраст мужчин – 31,9 лет. Женщин – 30,7 лет. Так как в американском исследовании принимали участие только супружеские пары (128 пар), для сравнения с их результатами из российской выборки были взяты результаты 158 супружеских пар. В исследовании российской выборки, помимо опросника родительской идентичности, использовались следующие методики: опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффера-Белла и др. (Schaefer E. S. – Bell R. A.) опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой, опросник удовлетворенности браком В. В. Столина, Т. А. Романовой, Г. П. Бутенко, Методика «Маскулинность – фемининность» С. Бем, специально разработанная анкета [7].

Сравнение средних значений отдельных шкал теста в исследовании на американской и российской выборках представлено в таблице 1.

Как видно из таблицы, результаты оказались сходны (попарное сравнение выборок мужчин и женщин по t-тесту показало отсутствие значимых различий).

В целом у российских мужчин немного снижены по сравнению с американской выборкой. У российских женщин более высокие результаты по всем трем шкалам идентичности в роли кормильца. Наглядно это представлено рис. 1 и 2.

Таблица 1

Сравнение характеристик шкал ОРИ по средним значений в американской [12] и российской выборках [2]

<i>Шкалы</i>	<i>Отцы (США)</i>	<i>Отцы (РФ)</i>	<i>Матери (США)</i>	<i>Матери (РФ)</i>
	<i>среднее (SD)</i>	<i>среднее (SD)</i>	<i>среднее (SD)</i>	<i>среднее (SD)</i>
1. Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	3.66 (.378)	3.301 (.568)	4.15 (.343)	4.258 (.244)
2. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в уходе за ребенком	3.35 (.553)	3.502 (.456)	3.99 (.418)	3.163 (.445)
3. Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга(и)	3.36 (.437)	3.001 (.522)	3.99 (.354)	3.182 (.354)
4. Шкала родительской идентичности в роли кормильца	3.45 (.883)	3.248 (.979)	2.55 (.717)	3.506 (.934)
5. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца	3.18 (.531)	3.041 (.632)	2.27 (.649)	2.716 (.849)
6. Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруга(и)	3.13 (.559)	3.218 (.457)	2.31 (.697)	3.301 (.567)

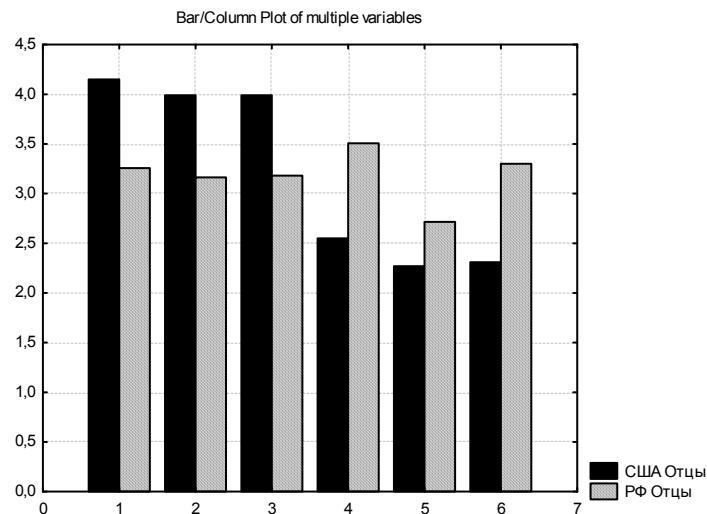

Рис. 1. Сравнение результатов выборок отцов США и РФ

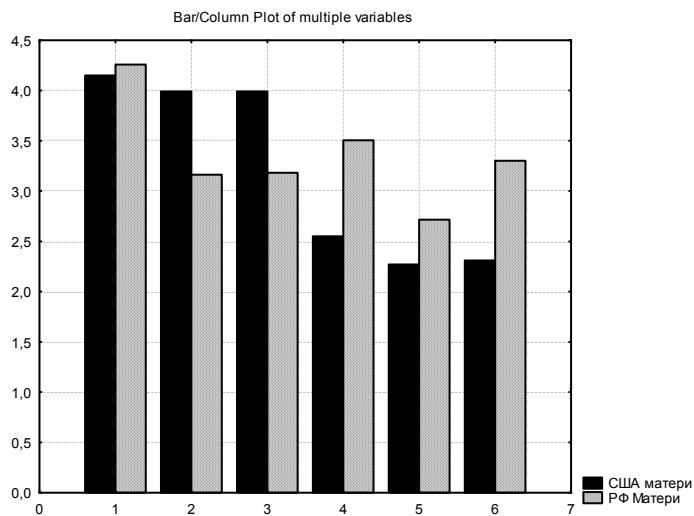

Рис. 2. Сравнение результатов выборок матерей США и РФ

При этом изучение внутрисемейных влияний, таких как: удовлетворенность супругов финансовым статусом семьи, профессиональная занятость или не занятость женщины, стаж брака, количество детей (многодетные семьи), совпадение ролевых ожиданий супругов, удовлетворенность браком, показало, что существуют значимые связи между этими параметрами и некоторыми шкалами родительской идентичности.

Таким образом, внутрисемейные условия для женщин значимо взаимосвязаны с оценкой себя как родителя. При этом многие взаимосвязи теоретически прогнозируемые: удовлетворенность (с точки зрения испытуемого) финансовым статусом семьи обратно связана для женщин со шкалой родительской идентичности в роли кормильца, и прямо связана с оценкой родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца, профессиональная занятость женщины обратно связана с родительской идентичностью в уходе за ребенком и прямо – с оценкой родительской

идентичности супруга(и) в уходе за ребенком, стаж брака с родительской идентичностью в уходе за ребенком, параметр количество детей (многодетные семьи) прямо связан с родительской идентичностью в уходе за ребенком и оценкой идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга, а совпадение ролевых ожиданий супругов со шкалой родительской идентичности в уходе за ребенком. Удовлетворенность браком прямо связана с несколькими параметрами: с оценкой родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруга, с родительской идентичностью в уходе за ребенком, с оценкой родительской идентичности супруга в роли кормильца, с оценкой родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга и одновременно с оценкой родительской идентичности супруга в уходе за ребенком.

Взаимосвязь семейных параметров и шкал родительской идентичности у женщин

Таблица 2

<i>Параметры (женщины)</i>		<i>Коэффициент корреляции, при p = 0,01</i>
Удовлетворенность супругов финансовым статусом семьи	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	-0,67
	Шкала оценки родительской идентичности супруга в роли кормильца	0,74
Профессиональная занятость женщины	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	-0,59
	Шкала оценки родительской идентичности супруга в уходе за ребенком	0,48
Стаж брака	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	0,61
Количество детей (многодетные семьи)	Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга	0,81
	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	0,78
Совпадение ролевых ожиданий супругов	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	0,68
Удовлетворенность браком	Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруга	0,53
	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	0,59
	Шкала оценки родительской идентичности супруга в роли кормильца	0,62
	Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга	0,78
	Шкала оценки родительской идентичности супруга в уходе за ребенком	0,49

У мужчин были найдены другие взаимосвязи, представленные в таблице 3.

Из таблицы видно, что у мужчин меньше взаимосвязей между перечисленными параметрами. Это может быть обусловлено несколько меньшей включенностью внутрисемейных условий в структуру оценки себя как родителя. При этом основные связи имеют шкалы оценки родительской идентичности в роли кормильца и оценки в роли кормильца в глазах супруги, что согласуется с зарубежными данными [13]. Они прямо связаны с удовлетворенностью супругов финансовым статусом семьи, совпадение ролевых ожиданий супругов и удовлетворенностью браком.

У мужчин обратно связаны параметры: профессиональная занятость женщины и оценка родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, а

также параметр стаж брака и оценка родительской идентичности супруги в роли кормильца. Прямо связаны количество детей (многодетные семьи) и родительская идентичность в уходе за ребенком, совпадение ролевых ожиданий супругов и шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, удовлетворенность браком и шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги. Однако делать выводы о причинах таких особенностей российской выборки можно только после более детального исследования, имеющего своими задачами изучение семейных факторов формирования родительской идентичности личности и этнической и социальной специфики российской модели семейной стратификации и родительства.

Взаимосвязь семейных параметров и шкал родительской идентичности у мужчин

Таблица 3

<i>Параметры (мужчины)</i>		<i>Коэффициент корреляции, при p = 0,01</i>
Удовлетворенность супругов финансовым статусом семьи	Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги	0,78
	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	0,65
Профессиональная занятость женщины	Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком	-0,51
Стаж брака	Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца	-0,56
Количество детей (многодетные семьи)	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	0,52

Совпадение ролевых ожиданий супружес	Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком	0,62
	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	0,67
Удовлетворенность браком	Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги	0,49
	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	0,67

Литература

1. Белогай К. Н., Морозова И. С. Эмпирическое исследование структуры родительского отношения // Психологическая наука и образование. 2008. № 4. С. 12 – 23.
2. Борисенко Ю. В. Адаптация методики Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) на русский язык // Вектор науки ТГУ. (Серия: Педагогика, психология). 2013. № 4(15). С. 34 – 37.
3. Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4. С. 26 – 44.
4. Дмитриева Н. В., Гулина Н. Р., Савельев Д. И. Гендерные особенности кризисной идентичности личности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 1. С. 58 – 70.
5. Евсеенкова Ю. В., Дмитриева Н. В. Опыт исследования феномена отцовства в рамках групповой работы // Семейная психология и семейная терапия. 2004. № 4. С. 55 – 69.
6. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
7. Лидерс А. Г. Психологическое обследование семьи: учеб. пособие-практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 432 с.
8. Морозова И. С., Белогай К. Н., Борисенко Ю. В. Психология семейных отношений: учебное пособие. Кемерово, 2012. 424 с.
9. Филиппова Г. Г. Психология материнства. М.: Изд-во института психотерапии. 2002. 240 с.
10. Bouchard G. Intergenerational Transmission and Transition to Fatherhood: A Mediated-Moderation Model of Paternal Engagement // Journal of Family. 2012. ol. 26. № 5. P. 747 – 755.12.
11. Doherty W. J., Boss P. G., LaRossa R., Schumm W. R., Steinmetz S. K. Family theories and methods: A contextual approach. Family theories and methods: A contextual approach. New York: Plenum Press, 1993.
12. Maurer T. W., Pleck J. H., Rane T. R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics // Journal of Marriage and the Family. 2001. № 63. P. 309 – 321.
13. Pleck J. H., Hofferth S. Mother involvement as an influence on father involvement with early adolescents // Fathering. 2008. № 6. P. 267 – 286.

Информация об авторе:

Борисенко Юлия Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, evseenkova@mail.ru.

Yuliya V. Borisenko – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Статья поступила в редакцию 26.05.2015 г.